

ИДЕОЛОГИЗАЦИЯ ВОЙНЫ И РАДИКАЛИЗАЦИЯ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Элизабет Ференбах

Университет Саарбрюкенн. Германия

Перевод с немецкого **О.Соболевой**

Новейшие подходы к изучению истории в современной зарубежной историографии. Сб. материалов международных семинаров историков в Ярославле. Ярославль, 1997. С.265–276.

Веб-публикация: Eleonore и редакторы сайтов [Vive Liberta](#) и [Век Просвещения](#) ©

Тесная взаимосвязь между революцией и войной бросается в глаза и легко подтверждается историческими примерами, будь то ситуация, когда война предшествует революции, или напротив, когда революция ведет к войне. В классическом случае Франции отмечается как один, так и другой процесс. Начало войны весной 1792 г. явилось следствием великого перелома 1789 г. и одновременно началом второй революционной волны, которая развертывалась под воздействием внешнего давления. При этом революция изменила характер войны, которая в качестве крестового похода за свободу получила новую идеологическую оболочку, как и война, наложила, свой отпечаток на революцию, вошедшую в свою радикальную якобинскую фазу. Таким образом, совершенно очевидно воздействие революции на процесс идеологизации войны и влияние войны на радикализацию революции.

В рамках дебатов, по-настоящему разгоревшихся лишь в преддверии двухсотлетия «Великой революции», нелегкой задачей остается каузально к функционально объяснить это взаимовлияние или втиснуть его в некоторую обобщенную схему, исходя из того, что не достаточно лишь моральных сентенций и малопродуктивных утверждений, что как революция, так и война связаны с насилием и потому взаимосвязаны. Острая дискуссия развертывается прежде всего по следующим вопросам и проблемам:

Была ли война «необходимой» для спасения революции от контрреволюции? Привела ли она в итоге к господству в обществе страха? Или террор и война уже заложены в революционной идеологии и ментальности? Повлекла ли за собой революционная эскалация войну и радикальное якобинство? Какую функциональную роль сыграла война при разрушении феодально-абсолютистского режима и в борьбе на «внутреннем» фронте? Может быть, даже первоначальной целью революционеров являлась «гражданская война», подавление противника в собственной стране? Не развязала ли революция «народоубийство», т.е. геноцид?

Кто следил за дебатами о революции, тот знает, что такие постановки вопроса исходят от различных революционно-исторических «школ». Они выдвигаются социалистами от [Жана Жореса](#) до Мишеля Вовеля, настаивающими на том, что обусловленное войной начало террора служило предотвращению опасности контрреволюции, так называемыми ревизионистами и их главным представителем [Франсуа Фюре](#) для которого война представляет собой результат террористического «крушения» революции, и англосаксонскими критиками неоякобинского революционного «мифа» от Альфреда Кобена до Дональда Сазерленда, которые с недавних пор по остроте суждений были превзойдены французскими историками. В настоящее время переживает ренессанс также и неоконсервативный взгляд на революцию – вплоть до сенсационного тезиса о «франко-французском геноциде» в регионах, охваченных гражданской войной, который Пьер Шоню сравнил с идеологическим геноцидом XX-го века¹.

В любом случае для лучшего понимания драматических последствий объявления Францией войны против Австрии 10 апреля 1792 года прежде всего требуется кратко осветить обстоятельства, приведшие к войне. В первую очередь она была обусловлена внутрисполитически, но во многом накаливанию военных настроений способствовал и рост внешнеполитической напряженности. Сыграла свою роль и движущая сила революционного менталитета, которая выразилась отчасти в преувеличенном страхе перед иностранным заговором, а также в чересчур оптимистичной уверенности в победе и в обстановке вакуума власти буквально провоцировала на выступление.

Консолидация власти вокруг конституционной монархии потерпела крах прежде всего потому, что Людовик XVI не смог примириться с революцией и своей [тайной попыткой бегства в июне 1791](#) в корне дискредитировал престиж короны. Также и религиозный раскол, начавшийся с гражданского кодекса духовенства, и нерешенные финансовые проблемы, породившие инфляцию бумажных денег, препятствовали решающему успеху [сторонников конституционной монархии](#). В то время, как влияние умеренно-конституционных элементов (фельянов) уменьшалось, тон в прессе, клубах и народных обществах,

а также в новоизбранном законодательном собрании, приступившем к работе осенью 1791 г, задавали республикански настроенные якобинцы. Центральным пунктом всех дискуссий стал военный вопрос. Однако почему?

Франции в тот момент не угрожала серьезная опасность вторжения. Несмотря на пропаганду войны эмигрантами и призывы о помощи из Тюильри, короли Европы едва ли были готовы таскать для своих французских кузенов каштаны из огня. Скорее наоборот. В интересах тогдашних европейских Кабинетов было чтобы притязавшая на диктат в Европе Франция увязла во внутривосточном хаосе и на время выбыла из борьбы за власть и завоевание земель или по крайней мере исчезла как торгово-политический конкурент, которого прежде всего опасалась Англия. Внимание традиционной дипломатии и без того было обращено уже больше на Восток, чем на Западную Европу к ожидаемому падению Османской империи и перспективам дележа Польши. Страх перед исходившей из Франции идеологической заразой и угрозой экспансии революционных волнений, если таковой вообще имел место, у европейских монархов также был невелик. Когда Учредительное собрание осудило захватническую войну и оправдало аннексию папского Авиньона и территории немецких областей в Эльзасе, исходя из основного положения о национальном праве народов на самоопределение, никто сразу не осознал, что произошла опасная для старой системы власти революционизация прав народов. Немецкий кайзер и рейхстаг удовлетворились протестом на бумаге. И хотя конфликт вокруг Эльзаса ухудшил немецко-французские отношения, все же он не создал повода для войны.

Большее внимание привлекла [пруско-австрийская Пильницкая декларация](#), обнародованная в августе 1791, вскоре после неудачной попытки побега короля. Составленная по настоянию эмигрантов, декларация была изложена авторами, обоими братьями Людовика XVI, в форме ультиматума. Она предусматривала вооруженную интервенцию для восстановления внутреннего порядка во Франции, но в любом случае лишь тогда – и эта оговорка делала декларацию пустой формальностью, – когда все европейские державы решатся на совместные действия. Известно было, что Англия неукоснительно отклоняла предложения о подобных военных акциях

Леопольд II, конечно, ошибся в предположении, что пильницкий ультиматум испугает радикальных якобинцев. Он достиг прямо противоположного результата, так как отныне считалось доказанным, что побег короля был связан с иностранным заговором. Для французской общественности осталось тайной, что Пильницкая декларация не более чем формальность. Она отреагировала на ультиматум взрывом воинственного патриотизма, который одновременно был направлен против внутренних врагов революции. Тем не менее, утверждение, что антагонизм революционной Франции по отношению к европейскому феодально-монархическому режиму носил якобы такой «принципиальный» характер что неминуемо должен был привести к столкновению – точка зрения, которую представлял консервативный историк Ранке – сегодня больше не находит поддержки исследователей.

Куда опаснее, нежели внешняя угроза, были внутренние столкновения между революционерами и контрреволюционерами прежде всего в провинции, сначала в южной, а затем в западной Франции, где конфессионально-религиозные политические и социально-экономические конфликты обострились уже давно, а не только под воздействием войны.

В исторических описаниях, концентрировавшихся на позициях в Париже, длительное время недооценивалось значение этих очень ожесточенных, схожих по характеру с гражданской войной столкновений. Они не ограничивались отдельными тайными акциями или вооруженными налетами эмигрантов. Как показали последние региональные исследования, имело место не только революционное, но и контрреволюционное народное движение, которое нельзя просто сбросить со счетов как «католический сброд» (М.Вовель)². И хотя религиозные, спровоцированные репрессиями против священников восстания были наиболее массовыми, народный гнев возбуждал также длительный финансовый и экономический кризис. Крестьяне отказывались продавать свое зерно за ненадежные бумажные деньги – ассигнации, а торговцы предпочитали удерживать свой товар. В регионах с сельским населением «великая надежда» 1789 г., хилиастическая вера в новый век свободы и равенства уступили место отрезвляющему разочарованию в реформаторском законодательстве, которое во многих смыслах благоприятствовало богатой городской буржуазии и объявляло, например, погашенными феодальные повинности крестьян только при условии компенсации землевладельцев. С одной стороны, патриоты вооружались для защиты революционных завоеваний, в городах и торговых местечках организовывались бесчисленные клубы и народные общества, дело доходило до фанатических бесчинств по отношению к священникам, с другой стороны, антиреволюционные силы собирали в народе приверженцев, приток которых, и не только в Вандее, начался задолго до 1793 г., из всех споев населения, в том числе из ремесленников и мелких лавочников, из так называемую «бедного люда» (menu peuple), составившего в Париже ядро движения санкюлотов.

Простое применение военной силы против внешнего противника не решало проблемы. Скорее нужно было предвидеть, что дорогостоящее вооружение мало боеспособной армии могло усугубить ситуацию и тем самым усилить поляризацию. Король же и его советники правильно оценивали положение, когда со своей стороны одобрили войну. Людовик XVI надеялся на скорое поражение и рассчитывал в этом случае на ослабление или конец революции. Его военный министр делал ставку на быструю победу, которая одновременно должна послужить тому, чтобы снова укрепить монархическую власть и, может быть, ввести военную диктатуру. Даже такой человек, как Лафайет, который давно лишился популярности выразителя революции, мечтал о роли славного генерала.

Заостряя формулировку, можно сказать, что не война, а идеологизация войны спасла революцию. Подобно тому, как в неясной ситуации 1-го августа 1789, когда **шторм Бастилии** и крестьянские восстания вынуждали определиться по вопросу — за или против революции, депутаты Законодательного собрания пытались восстановить национальное согласие с помощью объединяющей присяги идеалам свободы. И уже в 1789 г. автономное, сориентированное на собственные интересы и цели народное движение с помощью идеологического приема провозглашения человеческих и гражданских прав удалось направить на путь совместной борьбы против **деспотизма**.

Апологеты войны Бриссо и его друзья, которые позднее были названы **жирондистами** (т.к. большинство членов этой группы происходило из департамента Жиронда), но также и близкие к монтаньярам Робеспьера народные трибуны, такие как Дантон, Демулен и лишь вначале колебавшийся Марат были далеки от того, чтобы сожалеть о военном превентивном ударе как о вынужденной оборонительной мере. Более того, в войне они видели средство радикализации революции, которая должна была распространиться отныне по Европе для освобождения народов от гнета тирании. Национально-патриотическое объединение, выдвинув популярный лозунг «Война дворцам и мир хижинам», так или иначе поставило короля перед необходимостью принятия решения, рассчитывая либо увлечь за собой умеренных, либо истолковав их нерешительность как предательство отечества, вновь оживить политическую энергию народа.

Бриссо поэтому считал войну «национальным благодеянием». Перед депутатами Законодательного собрания он заявил: «Единственное несчастье которого нам следует бояться, это то, если не будет войны. Исключительный интерес нации советует прибегнуть к войне». А в клубе якобинцев он обосновал свой тезис следующими словами: «Народ, который после десяти столетий рабства достиг свободы, нуждается в войне, война необходима, чтобы закрепить свободу». Когда Робеспьер, который в это время остался в изоляции, раздраженно указал на мнимую готовность Королевского двора к войне и предупредил о риске вооруженной экспансии революции, пока не побеждены внутренние враги, Бриссо ответил ему: «Нам нужны большие предательства Франция еще заражена ядом старого режима. При большом старании это будет изгнано». Едва ли кто-то разделял опасения Робеспьера, который, в свою очередь, отклонял войну не из принципиальных, а прежде всего из тактических соображений, так как не доверял зачинщикам войны. Тем не менее и Робеспьер лелеял «прекрасную надежду», что революция рано или поздно «получит свое влияние в мире»³. Вера в победу свободы была нерушима. Бриссо ссылаясь на блестящий пример американской войны за независимость, а Иснар сделал из этого вывод: «Народ в состоянии революции непобедим». С захватывающим пафосом, который выражал как национальное чувство превосходства, так и веру патриотов в мессианское предназначение, изобразил Иснар предстоящую борьбу за свободу:

«Французы станут самым великим народом мира. Порабощенный, был этот народ бесстрашным и гордым, должен ли он стать трусливым и слабым, освободившись? Обращаться со всеми народами как с братьями, никого не оскорблять, но не давать оскорблять и себя, поднимать меч только за дело справедливости и возвращать его в ножны только после победы и, наконец, быть всегда готовым умереть за справедливость и лучше исчезнуть совсем с лица земли, чем позволить снова заковать себя в цепи: это характер французского народа. (...) Поднимемся в этой ситуации до полной высоты нашего предназначения! Будем разговаривать с министрами, с королем, с Европой с той твердостью, которая нам подобает!

Скажем нашим министрам, что до сих пор нация не особо довольна поведением ни одного из них, что отныне им следует выбирать между общественной благодарностью и мстью законов и что мы под словом ответственность понимаем такую ответственность за которую ручаются головой.

Скажем королю, что в его собственных интересах защищать конституцию, что его корона находится на этом священном палладиуме, что он правит только через народ и для народа, что нация является его сувереном, а он является подданным закона.

Скажем Европе, что французский народ, если он однажды вынет меч, то отбросит ножны и поднимет их снова только увенчанными победными лаврами, и если, несмотря на его силу и мужество при защите свободы, он потерпит поражение, то его враги будут править лишь мертвыми.

Скажем Европе, что если кабинеты втянут королей в войну против народов, мы втянем народы в войну против королей. Скажем им, что все битвы, которые будут вести друг против друга народы, потому что этого хотят тираны... (аплодисменты). Не рукоплещите, не рукоплещите, следите за моим воодушевлением, это воодушевление свободой! Скажем им, что все битвы, которые будут вести друг против друга народы, потому что этого хотят тираны, подобны тем ударам, которые наносят друг другу в темноте два товарища, подстрекаемые коварным интриганом, но как только приходит светлый день, они отбрасывают свое оружие прочь, обнимаются и мстят тому, кто ввел их в заблуждение; точно также народы, когда посреди битвы между вражескими и нашими армиями их глаз коснется философское просветление, обнимутся на глазах свергнутых тиранов, утешенной земли, умиротворенно взирающих небес.

Скажем Европе, наконец, что 10 миллионов французов охвачены огнем свободы и вооружены мечом, пером, разумом и красноречием, и если им будет сделан вызов, они окажутся в состоянии изменить облик земли и заставить затрястись тиранов на их глиняных тронах»⁴.

Эта речь представляет собой типичный пример революционного культа свободы, который начал распространяться вскоре после штурма Бастилии. Характерным для него является морализующая, биполярная точка зрения, где предается проклятию феодально-абсолютистский режим и прославляется прорыв в идеальный, в корне измененный мир: ночь варварства и ослепления уступает свету разума и философии просвещения; справедливая власть суверенного народа вытесняет коварную, наполненную интригами кабинетную политику; священный палладиум конституции охраняет от господства тирании, которая обречена на смерть от «мести» законов; братский союз народов одолеет заговорщический союз королей; воодушевление свободой вытеснит страх перед деспотизмом. Революционная война поэтому может закончиться только либо полным поражением, либо абсолютной победой⁵.

В этой идеологии была заложена такая динамика, которая больше не допускала умеренной политики реформ и компромиссов. Существование иных мнений и несовпадающих интересов игнорировалось. Оно противоречило национальному единодушию и сплоченности коллективной воли, принципу всеобщей добровольности (*volonte generale*)*, который в 1789 г. со ссылкой на Руссо был провозглашен ведущим понятием «нации единой и неделимой» нового, бессловного, основанного на всеобщем благоденствии гражданского общества. Вопрос ставился так все или ничего, консенсус или «предательство», «свобода или смерть». В конечном результате борьба за абсолютные ценности и высшие идеалы оправдала добродетельный террор Робеспьера.

Но война развязала революционное насилие, размах которого никто не мог предвидеть. Не победы, а опустошительные поражения, с которых началась война, стали новым катализатором народного движения, вторично решающим образом повлиявшим на политические события и продвинувшим вперед революционный процесс. Как и в 1789 г., «Великий страх» (*Grand Peur*) породил паническую реакцию, когда опасения вторжения вражеских войск казались оправданными и политически безрассудный манифест герцога Брауншвейгского угрожающе провозгласил, что Париж должен быть подвергнут «военному опустошению и полному уничтожению».

Еще при феодально-абсолютистском режиме коллективный психоз на почве страха приводил к народным восстаниям, чумным бунтам и голодным беспорядкам, которые преимущественно были направлены против мнимых возмутителей спокойствия, например, против предполагаемых отравителей, «наживающихся на процентах» скупщиков зерна и будто бы находившихся в сговоре с правительством «дельцов», стремившихся заставить народ голодать. Наблюдателями того времени подобные бунты объяснялись «паническим страхом» или «химическим страхом народа». Во времена бедствий росли опасения в народе перед темными происками заговорщиков, которые считались ответственными за страдания. С войной особенно тесно было связано распространение «страха и ужаса». Война и «страх» («*terreur*») в лексике того времени были взаимозаменяемыми понятиями⁶. И во время крестьянских волнений 1789 г. распространялись слухи о якобы готовящихся нападениях вооруженных иностранных отрядов**. Отсюда становится понятным, почему Пильницкая декларация, также как и манифест герцога Брауншвейгского, привета народ в состоянии, близкое к панике.

Одновременно национализм нового типа развернул эффективную интегрирующую и мобилизующую силу. Коллективные эмоции получили идеологическое обоснование и политическую мотивацию. После того как был брошен лозунг «Отечество в опасности», заседания клубов и секционные собрания санкюлотов проводились непрерывно, по всей стране, несмотря на запрет короля вооружались добровольцы для похода на Париж, в боевой готовности стояли отряды Национальной гвардии, осуществлялся переход от спонтанного к организованному народному движению. Наступательный дух борьбы за свободу против деспотизма впечатляюще воплотился в волнующей военной песне, с которой революционный батальон из Марселя пересек Францию и вошел в столицу. Так началось победное шествие «Марсельезы».

10 августа 1792 г. экстремизм парижских санкюлотов, заключивших союз с объединенными силами, привел к падению монархии. После штурма дворца Тюильри Законодательное собрание приняло постановление о лишении короля всех его постов и о созыве республиканского Национального Конвента на основе всеобщего и равного избирательного права.

Напоминающее панику возбуждение все же не спадало, и после капитуляции крепостей в Лонгви и Вердене достигло своей кульминации. В это опасное время Дантон стал выразителем национальных страстей. Во время осады Вердена, 2 сентября 1792 г., он произнес свою знаменитую речь «Все возбуждено, все поднимается, все горит желанием борьбы. Зовущие к штурму колокола, которые сейчас прозвучат, не есть сигнал бедствия, они дают крепкий пинок врагам отечества. Чтобы справиться с этими врагами, нам нужно только мужество, мужество и еще раз мужество, и Франция будет спасена»⁷.

В этот же день в парижских тюрьмах начались жестокие сентябрьские казни. Жертвами народного террора пали 1200–1500 заключенных мужчин и женщин, из которых много более половины были посажены не за политические, а за криминальные преступления. В то время, как жирондисты резко осудили «сентябрьское преступление», самосуд народа был объявлен санкюлотами «необходимым» и «справедливым» в качестве назидательного и устрашающего наказания. Робеспьер в те сентябрьские дни поставил свой сакраментальный вопрос: «А вам хотелось бы революции без революции? Смог бы тогда народ когда-нибудь сбросить с себя гнет тирании?» Год спустя террор был возведен в принцип правления и узаконен Дантоном в известной фразе: «Будем ужасными, чтобы народу не нужно было быть таким. Это требование гуманности!»⁸

На этот хронологический промежуток пришелся самый тяжкий кризис Французской революции. Провозглашение республики в условиях войны состоялось при самых неблагоприятных предзнаменованиях. После канонады при Вальми, знаменитой тем, что она была названа Гете рубежом эпохи, армии, правда, удалось занять Бельгию и оккупировать левобережные рейнские области Германии, но победное наступление длилось недолго. Весной 1793 г. после казни короля, когда Англия, Испания и Португалия, а также большинство немецких и итальянских княжеств вступили в войну, последовала цепь унижительных поражений, так что едва казалось возможным предотвратить катастрофу. В Вандее, где набранная армия в 300 тыс. человек натолкнулась на ожесточенное сопротивление, разбушевалась жестокая гражданская война, повлекшая гибель 112–115 тыс. человек. Обострившаяся в результате войны дороговизна, недостаток продуктов питания и обесценивание денег дополнительно усиливали недовольство в народе, которое в конечном итоге вылилось в парижское восстание санкюлотов против бесплодного господства в Конвенте жирондистов. Тем самым в начале июня 1793 г. осуществился переход власти от жирондистов к монтаньярам Робеспьера, готовым выполнить часть требований санкюлотов, чтобы укрепить собственное лидирующее положение и покончить с кризисом посредством институционального террора.

К первым мероприятиям вынужденной диктатуры относились «подъем массы» (*levee en masse*)^{***}, объявление народной войны. Почти миллион человек был брошен на алтарь войны, чем были достигнуты первые успехи армии, правда, революционная освободительная волна – совсем иначе, чем задумывалось изначально – превратилась отныне полностью в завоевательную войну «Великой Нации». Несмотря на победы, «период страха»^{****} продолжался, затем все-таки прервался в июле 1794 г. В итоге и люди Робеспьера отправились на эшафот, куда ранее уже возлиг король, жирондисты, дагонисты и эбэртисты (крайне радикальное крыло санкюлотов).

Сцепление различных факторов – революция, война, гражданская война и террор, – едва ли поддается однозначной оценке или осуждению. Как и прежде, скорее политические страсти, нежели научный диспут провоцируют спорный вопрос: была ли якобинская диктатура исторически «необходимой», так как без нее в критической военной и экономической ситуации весны 1793 г. революция потерпела бы крах. В заключение я хотела бы выделить два аспекта, которые кажутся мне важными в связи с неутраченной дискуссией о революции:

С одной стороны, подчас мало обращается внимания на то, что война прежде всего политизировала, организовала и радикализовала народное движение – и при этом в противоположных непримиримых направлениях, как за, так и против революции. Революционные восстания 10 августа 1792 г. и весной 1793 г., а также контрреволюционные выступления, наиболее сильно поразившие Вандею, нельзя понять вне обстоятельств войны. Террор революционного якобинского правительства служил также цели направить в определенное русло агрессивное-воинственное движение санкюлотов и держать под контролем ситуацию с гражданской войной. Поэтому совершенно ошибочно сравнивать террор эпохи Французской революции с планомерным истреблением народов и тайными «государственными преступлениями» XX века.

С другой стороны, подтверждается то, что война цементировала политико-идеологическую борьбу, которая продолжала вестись еще и тогда, когда весной 1794 г. новые победы делали террор излишним. В направленной против деспотизма освободительной борьбе внешние враги революции были отождествлены с внутренними, война с внешним противником оказалась неразрывно переплетенной с войной гражданской. Отсюда может возникнуть иллюзия, что якобы у революции «нет объективных границ, а только враги»⁹, так что она в итоге, – как незадолго перед своей казнью сформулировал жирондист Верньо – подобно Сатурну, пожрала собственных детей. За этим стояла национальная утопия и утопия свободы, которые, однако, возникли не вместе с радикальным якобинством, а ведут начало с 1789 г.¹⁰ Поэтому вряд ли возможно резко отграничить мирную либеральную фазу революции от «периода ужаса», хотя это всегда пытались сделать либералы от Бенжамена Константа до Франсуа Фюре.

Вывод остается двусмысленным и противоречивым, но он не возникает в результате исторической ретроспективы, а заложен в самом предмете исследования, в исторической попытке политическими методами осуществить идею будущего, призванную осчастливить человечество.

Примечания

1. По вопросу о дебатах по Французской революции см.: *Fehrenbach E.* Vom. Ancien Regime zum Wiener Kongress. Oldenbourg Grundriss der Geschichte. Bd.12. 2. uberarb Aufl Munchen, 1986 S.148–158; *Sole J.* La Revolution en questions. Paris, 1988; *Furet F.* 1789 – Vom Ereignis zum Gegenstand der Geschichtswissenschaft Frankfurt, 1980; *Vovelle M.* Die Franzoesische Revolution – Soziale Bewegung und Umbruch der Mentalitaeten. Munchen, 1982; *Sutherland D.M.G.* France 1789–1815. Revolution and Contrevolution London, 1988; *Secher R.* Le genocide franco-francais: La Vendee-Venge, Vorwort, v. Pierre Chaunu. Paris, 1986; *Schulm E.* Die Franzoesische Revolution. Muenchen, 1988; Die Franzosische Revolution R Reichard (Hrsg) Ploetz Wurzburg, 1988.

2. *Vovelle M.* Op.cit. S.97; *Secher R.* Op.cit. S.67 и сл.; *Sutherland D.M.G.* Op.cit. P.107 и сл.; *Sole J.* Op.cit. P.112 и сл.; *Lewis G.* The second Vandee. The continuity of counterrevolution in the department of the Gard, 1789–1815, Oxford 1978; *Johnson H.C.* The Midi in revolution. A study of regional political diversity, 1789–1793. Princeton, 1986; *Les resistances a la Revolution / Ed by Lebrun F., Dupuy R.* Paris, 1987; *Tackett T.* The West in France in 1789. The religious factor in the origins of countrevolution – in *Journal of Modern History.* 1982. P.715–745.

3. *Marcov W.* Revolution im Zeugenstand. Frankreich 1789–99. 2 Bde. Frankfurt, 1987 (Brissots Reden: Bd2. S.198 и сл.; Robespierres Rede. S.210–212).

4. *Grab W.* Die Franzoesische Revolution. Eine Dokumentation, Muenchen, 1973. S.94 и сл.

5. К вопросу о культуре свободы см.: *Heuvel G. van den,* Der Freiheitsbegriff der Franzoesischen Revolution. Studien zur Revolutionsideologie. Goettingen, 1988.

* Понятие *volonte generale* принято переводить как *общая воля – El.*

6. *Heuvel G. van den.* Terreur, Terroriste, Terrorisme – in Reichardt R. / Schmitt E. (Hrsg), Handbuch polttiscti-socialer Grundbegriffe in Frankreich 1680–1820. H.3. Muenchen, 1995. S.89–132.

** О «Великом страхе» (*Grand Peur*) 1789 г. см. на нашем сайте: [Ж.Лефевр. «Великий страх» 1789 года](#) и [Л.Февр «Гигантский лживый слух» \(о книге Ж.Лефевра. «Великий страх» 1789 года.](#)

7. *Grab W.* Op.cit. S.121 и сл.

8. *Marcov W.* Op.cit. Bd.2. S.367.

*** Неточность перевода: термин «*levee en masse*» означает *всеобщую мобилизацию*, которая была декретирована Конвентом 23 августа 1793 – *El.*

**** И еще одна неточность перевода – речь о периоде т.н. «*Великого (или Большого) террора*» – о полутора месяцах между принятием [декрета 22 прериала](#) и [переворотом 9 термидора](#), за которые Парижским революционным трибуналом было вынесено почти столько же смертных приговоров, сколько за все предыдущие пятнадцать месяцев работы этого трибунала. – *El.*

9. *Furet F.* Op.cit. S.67.

10. См.: *Heuvel G. van den.* Der Freriheitsbegriff der Franzoesischen Revolution. S.132–150.